

Что знали при дворе польского короля о стрельцком восстании 1682 г.?

Глеб Казаков

What did the court of the Polish King know about the Moscow Streltsy uprising of 1682?

Gleb Kazakov
(Justus-Liebig University of Gießen, Germany)

DOI: 10.31857/S2949124X24010079, EDN: CLUYBG

События московского стрельцкого восстания 1682 г. вызвали большой интерес за рубежом Московского государства. В историографии хорошо известны донесения датского торгового приказчика Генриха Бутенанта о стрельцкой смуте, с которыми внимательно знакомились при датском королевском дворе¹. Обстоятельные донесения доходили в Стокгольм, Гаагу, новости из Москвы обсуждались в Вене². Безусловно, правящие круги самого близкого соседа Московского государства – Речи Посполитой – также не могли не получать информации о Хованщине. Ещё в XIX в. были обнаружены и изданы несколько польских донесений о стрельцкой смуте 1682 г. В 1834 г. Себастьян Чьямпи опубликовал латинский документ из Ватиканского архива, охарактеризованный им как донесение, присланное из Москвы папскому нунцию при дворе польского короля осенью 1682 г.³ Сведения о находке Чьямпи уточнил Августин Тайнер. Донесений в архиве оказалось два: первое, короткое, датировано 30 мая 1682 г.; второе, пространное (его и обнаружил Чьямпи) – 20 сентября. Тайнер опубликовал оба источника, описав их как «официальные донесения, посланные польскому королю его агентом в Москве о волнениях стрельцов

© 2024 г. Г.М. Казаков

¹ О письмах Бутенанта датскому королю за 1682 г. см.: *Лавров А.С.* Донесения датского комиссара Генриха Бутенанта о стрельцком восстании 1682 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXVII. СПб., 2000. С. 191–199. Немецкий текст основного донесения Бутенанта из копенгагенского архива опубликован: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. I. СПб., 1858. С. 330–346. Русский, довольно неточный, перевод предложен М.М. Галановым: «Склонны к страшному неистовству...» Донесение Генриха Бутенанта фон Розенбуша о стрельцком восстании 1682 года в Москве // *Источник.* 2003. № 1. С. 40–49.

² Шведские донесения на языке оригинала (немецком) и в русском переводе опубликованы: *Донесения шведских агентов о Хованщине, 1682–1683 гг.* / Подгот. Г.М. Казаков, А.С. Лавров. СПб., 2022. Донесения нидерландского резидента в Москве барона Иоганна ван Келлера не опубликованы, однако их разбору посвящён ряд работ: *Белов М.И.* Нидерландский резидент в Москве барон Иоганн Келлер и его письма. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1947; *Белов М.И.* Письма Иоганна ван Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // *Труды ЛОИИ.* Вып. 7. М., 1964. С. 374–382. Об эпизоде с распросом русского гонца Никифора Венюкова в Вене о событиях стрельцкого восстания см.: *Казаков Г.М.* Поездка подьячего Никиты Алексеева в Швецию и Данию в 1682 г. // *Российская история.* 2018. № 3. С. 121–133.

³ *Ciampi S.* Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell'Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali. Firenze, 1834.

и восшествия на престол братьев Ивана и Петра»⁴. Донесения сохранились в латинских копиях, по всей видимости, пересланных в Рим папским нунцием в Варшаве Опицио Паллавичини. В издании вместе с донесениями опубликованы и итальянские письма нунция, написанные с июня по декабрь 1682 г., где также затрагиваются события Хованщины⁵. Донесение от 20 сентября 1682 г. (которое в дальнейшем для краткости назовём «Повествование») было переведено на русский язык по поручению М.П. Погодина и опубликовано в 1835 г.⁶ Донесение от 30 мая на русский язык не переводили.

Другой польский источник – «Дневник зверского избения бояр московских», написанный, вероятно, весной 1683 г. и ретроспективно повествующий о событиях Хованщины, опубликован в польском оригинале и переведён на русский язык в 1901 г. А. Василенко⁷. Е.Ф. Шмурло разобрал сведения, сообщаемые «Дневником», сопоставив их с информацией других источников и заключив, что «Диариуш имеет полное право быть зачисленным в ряд веских и ценных источников стрелецких волнений 1682 г.»⁸. Особенностью и «Повествования», и «Дневника» является акцент, сделанный авторами донесений на расприх и интригах внутри правящей элиты Московского царства как причине восстания 1682 г., что резко отличает эти источники от донесений Бутенанта и голландца фан Келлера – очевидцев событий, основное внимание уделивших жалобам стрельцов на притеснения со стороны полковников и бояр. В «Повествовании» главная интрига связана с кознями Артамона Матвеева, добившегося возведения на престол своего протеже Петра в обход старшего брата Ивана после смерти царя Фёдора Алексеевича. «Дневник» также упоминает о роли Матвеева в избрании Петра и о заносчивости вернувшихся из ссылки Нарышкиных, проявивших неуважение к потомству царицы Марии Милославской – умершему царю и его единоутробным родственникам – царевичу Ивану с сёстрами. Матвееву и Нарышкиным в обоих источниках противопоставит царевна Софья, подбившая стрельцов на бунт. В «Дневнике» Софья действует заодно с кн. И.А. Хованским, жаждущим богатства и власти.

Несмотря на вышеуказанные публикации, в исследовании польских источников о Хованщине осталось немало неразрешённых вопросов: кто автор донесений, какими путями информация о стрелецкой смуте поступала ко двору польского короля, неясен общий информационный контекст, в рамках которого информация из Москвы попадала в Польшу. Наличие донесений подталкивает к выводу, что в 1682 г. в Москве находился агент польской короны, хотя польскую резидентуру в Москве, возглавляемую Павлом Свидерским, ликвидировали ещё в 1677 г. в связи с кризисом в русско-польских отношениях. В декабре 1681 г. в русской столице побывал польский посланник Станислав Невестинский, однако за 1682 г. не известно никаких польских дипломатических миссий в Россию⁹.

⁴ Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand, czars de la Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859. P. 239–243.

⁵ Ibid. P. 236–239.

⁶ Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. № 5. С. 69–82.

⁷ Дневник зверского избения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна // Старина и новизна. Кн. 4. СПб., 1901. С. 383–407.

⁸ Шмурло Е.Ф. Польский источник о воцарении Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. № 339. С. 425–448.

⁹ О миссии Невестинского в Россию см.: Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 гг. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 82–88.

Ответить на перечисленные вопросы постарались М. М. Галанов и К. А. Кочегаров. Галанов, ссылаясь на исследование польского историка З. Вуйчика¹⁰, отметил, что в Россию для разведывания новостей о стрелецкой смуте в 1682 г. король Ян III Собеский отправил агента Станислава Бентковского. Именно его Галанов признал автором анонимных писем от 30 мая и 20 сентября 1682 г., опубликованных Тайнером¹¹. Историк обратил внимание на ещё один обойдённый вниманием источник – недатированную рукопись, опубликованную на польском языке в 1894 г. под заглавием «Реляция польского резидента в столице Московии о беспорядках среди московских жителей»¹². Авторство «Реляции», схожей по содержанию с латинским письмом от 20 сентября 1682 г., Галанов также приписал Бентковскому¹³. Миссия королевского секретаря Бентковского, как и другие эпизоды большой польской кампании по отправке лазутчиков и агитаторов в Россию и Украину летом 1682 г., получила подробное освещение в монографии Кочегарова о польско-российских отношениях в 1680-х гг.¹⁴ Учёный установил, что Бентковский выехал на русско-польскую границу в Кадино под Смоленском в июле 1682 г. и оставался там до октября, а в Москву прибыл как официальный посланник с верительной грамотой от польского короля только в феврале 1683 г. Ко двору Яна Собеского он вернулся весной того же года, что согласовывается с датировкой написания «Дневника», автором которого, по предположению Кочегарова, является ещё один шляхтич из окружения Бентковского – Иосиф Лядинский¹⁵.

Между тем Бентковский и Лядинский, безусловно, не единственные информаторы польского короля о Хованщине. Во-первых, Бентковский, добравшийся до Москвы лишь в феврале 1683 г., никак не мог быть автором короткого письма-донесения, отправленного из российской столицы 30 мая 1682 г. Во-вторых, уже в самой инструкции-наказе, составленной для шляхтича перед его отправлением в июле¹⁶, упоминаются слухи о стрелецком восстании и майской смуте. Нельзя не отметить, что польский король обладал обширной информацией о событиях в Москве, хотя некоторые вопросы и оставались открытыми. Не до конца ясной казалась ситуация в царской семье и подробности престолонаследования: «Откуда смерть и какова была его царскому величеству Феодору, и осталось ли что по нем отродия и какой плоти, где обретается и царица мати того отродия, что от колена Грушецких, каковою смертию умре, так

¹⁰ *Wójcik Z.* Jan Sobieski 1629–1696. Warszawa, 1983. S. 615.

¹¹ *Галанов М. М.* К вопросу о некоторых иностранных источниках по истории политической борьбы в России в 1682 г. // *Клио.* 1997. № 1. С. 38–43.

¹² *Relacya rezydenta polskiego w Moskwie o wypadkach z r. 1682.* Krakow, 1894. S. 8–16.

¹³ Вслед за Галановым донесением Бентковского из Москвы «Реляция» названа и в недавно вышедшей монографии: *Успенский Б. А.* Воцарение Петра Первого (Новый взгляд на старые источники). СПб., 2022. С. 86–87. Данная атрибуция ошибочна.

¹⁴ *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия... С. 101–148.

¹⁵ Там же. С. 105. Тётка Лядинского была игуменьей московского Новодевичьего монастыря, что открывало шляхтичу доступ к информации, циркулировавшей при царском дворе. Подробнее о карьере Лядинского см.: *Кочегаров К. А.* Литовский дипломат Иосиф Лядинский и его роль в русско-польских отношениях 1680-х – первой половины 1690-х гг. // *Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская империя и их соседи.* Материалы научной конференции. М., 2016. С. 109–120.

¹⁶ Сохранилась польская копия инструкции в составе собрания Библиотеки Ординации Замойских (*Кочегаров К. А.* Литовский дипломат... С. 123), а также её русский перевод, сделанный с копии, попавшей в Посольский приказ через Назария Краевского (РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1682, д. 8, л. 4–17). Далее цитаты даны по русскому переводу.

же царица государыня второбрачная коково поведение по смерти блаженные памяти царя Феодора имеет, в каком призрении, кокову имеет честь, колико крепки суть сродники ея. А что слышно, что царевич Петр от второго брака блаженные памяти царя Алексея Михайловича девятью или десятью на престол был посажен, от основания у всех проведати надобно, чьим то учинилося промыслом, и коль скоро то по смерти царя Феодора учинилося, которого дня смерть и как неначаемая, и какой поступок учинился, которые роды, которые бояря к тому делу пособни и которые тому были противни. И какие были советы прежде того неначаяния»¹⁷.

В Яворове уже знали о возвращении из ссылки и гибели А. Матвеева, однако весь размах стрельецких расправ оставался неясен: «И колико потерянных которые бояря, которого рода, которые столники, которые головы стрельецкие побиты, которого рода живы, живы ль Милославские, Одоевские, Хованские, Долгоруков убит ли или жив. Со многими ль Артемон убит и какими способы. При ком ныне начальства. Слышно, что Емельян Украинцов канцлером есть, до времени ль или всегда»¹⁸. О самом восстании Бентковскому велели разузнать, «откуда начался тот шум, о котором слышно, кто ево начал и кто начальник той хитрости и кто утишитель», однако одновременно предположили: «Мнится, что Иоанн царевич премогл родной брат Феодора, которому Феодор, умирая, мнится, имел скипетр вруčiti, хотя его имети наследником, когда Петр его затерл насильными способы»¹⁹. Взаимоотношения между братьями-царевичами Иваном и Петром оставались загадкой для польского двора, как и судьба Петра и его матери-царицы: «Петр царевич жив ли, или мать его в полатах ли, или в старицах... А два ли на престоле согласны или несогласны братия, или толко один был на престоле, много ль имеет живых братии и сестр, имеет ли мачеху или мать»²⁰. Несмотря на недостаток информации, гибель Петра в результате смуты казалась возможной: «Хотя бы о смерти Петра царевича слышно было, и о смерти матери его, которая в Смоленску родилась, о том совершенно проведать естли их не утаили... а что многожды бывает на Москве, что смерти царевичей таят, а потом случаем их объявляют»²¹. Не исключалось и начало открытой междоусобицы в Московском государстве: «И то памятовать надобно, что когда два царевича живут, тогда прилучается между бояры, что одни одного, другие другого любят, и не подобно, чтоб когда ни есть за пролитую кровь отместь не учинилась»²². Польского короля особенно интересовала ситуация на российских окраинах — насколько верны царскому правительству оставались смоленское дворянство, татарские царевичи, левобережные казаки, Войско Донское: «Проведывати и о донских казаках, естли не бунтуются, памятуя кровь свою, разлианную при Стенке Разине»²³. Подозрение в организации всей смуты, что особенно любопытно, в инструкции падало на царевну Софию: «Софию царевну полагаю в начале того дела, однако ж и о том с основания проведати надобно»²⁴.

¹⁷ Там же, л. 5–6.

¹⁸ Там же, л. 8.

¹⁹ Там же, л. 7.

²⁰ Там же, л. 8.

²¹ Там же, л. 12.

²² Там же.

²³ Там же, л. 9–12.

²⁴ Там же, л. 7.

Итак, к середине июля 1682 г., т.е. через два месяца после стрелецкого бунта 15–17 мая, при дворе польского короля уже располагали сведениями о событиях в Москве, пусть и не всегда верными и требующими уточнения. Вероятно, к тому времени в Польше получили короткое письмо-донесение из Москвы от 30 мая 1682 г., поскольку информация из инструкции во многом совпадает с некоторыми изложенными в нём сведениями. В письме упоминается разделение московской знати на две фракции вокруг царевичей Ивана и Петра, избрание младшего царевича на царство в обход старшего и вызванное этим недовольство противной партии. Впрочем, главной причиной восстания письмо называет денежные требования стрельцов («преторианцев») и их гнев на своих начальников²⁵.

Когда же именно и кто передал в Польшу новости о стрелецком бунте? Можем ли мы реконструировать нарратив о майских событиях, которым руководствовался летом 1682 г. Ян Собеский? Согласно королевской инструкции, отъезд Бентковского в Кадино состоялся 20 июля (по новому стилю, т.е. 10 июля – по старому). Папский нунций в Варшаве О. Паллавичини впервые сообщил о прибытии новостей о смерти царя Фёдора Алексеевича из Литвы и Кёнигсберга в письме от 21 июня (1 июля). Впрочем, о бунте в нём не говорится, фиксировался лишь слух о смерти Фёдора от яда и формировании партий вокруг трёх потенциальных кандидатов на престол: двух братьев умершего царя и его сына-младенца. Только в следующем письме от 29 июня (8 июля) Паллавичини довольно сумбурно изложил события середины мая: старший из братьев-царевичей якобы явился в «сенат» и опротестовал решение о передаче короны младшему брату, из-за чего на него набросились братья матери избранного царя. За старшего принца вступились некие «лучники», что и привело к общей резне. В письме от 5(15) июля к сказанному добавился слух о том, что за избранием младшего брата в обход старшего стояла мать первого²⁶.

Между информацией, изложенной в письмах папского нунция и сведениями о стрелецком бунте из инструкции Бентковскому заметны параллели: слух о наличии у Фёдора Алексеевича сына-младенца, рассказ о распре между партиями Петра и Ивана, слух об участии Натальи Нарышкиной в интригах вокруг престолонаследия. Однако существует ещё один источник, позволяющий более подробно восстановить нарратив о стрелецком бунте, обсуждавшийся при дворе польского короля летом 1682 г. Речь идёт о письмах французского посла в Польше маркиза де Витри в Версаль к королю, хранящихся сегодня в архиве французского Министерства иностранных дел²⁷. Де Витри на протяжении 1682 г. находился преимущественно при дворе Яна Собеского в Яворове и раз в неделю отправлял сообщения с новостями о текущих событиях во Францию. Хотя в письмах основное внимание уделено отношениям Польши с Веней и османской угрозой, летом 1682 г. де Витри зафиксировал новости из Москвы. В письме от 16(26) июня посол упомянул о том, что польский король якобы располагает информацией о смерти русского царя от яда и неких последовав-

²⁵ Среди жертв стрельцов в письме перечислены «генерал Долгоруков» с сыном, Аверкий с двумя сыновьями и старший дядя царя Петра (безусловно, Иван Нарышкин). Об Артамоне Матвееве письмо не упоминает, ограничиваясь оговоркой, что «некоторые были убиты на руках самого царя Петра Алексеевича».

²⁶ *Monuments historiques...* P. 236–237.

²⁷ *Centre des Archives diplomatiques du Ministère des Affaires Étrangères (Paris), Pologne, t. 73.*

ших за этим «больших смутах» («grands remuevements»)²⁸. В письме от 7(17) июля последовал более обстоятельный рассказ²⁹.

Де Витри сообщал, что около десяти дней назад из-под Киева пришли известия об «ужасных бунтах» в Московии, однако проверить эти слухи у посла не было возможности, и потому он решил подождать подтверждения. В итоге сам польский король в беседе с послом поведал о полученных новостях. Он рассказал, что мачеха последнего царя (Н.К. Нарышкина) оказалась причастна к его отравлению, желая посадить на престол своего сына — «ребёнка девяти или десяти лет от роду». Интригами ей удалось добиться своего, несправедливо лишив короны единоутробного брата умершего царя, обратившегося за поддержкой к «московским пехотным полкам, которые в этой стране обладают не меньшим влиянием, чем янычары у турок». Возмущённые солдаты ворвались в Кремль, где к ним из окна царского дворца обратился «великий канцлер», пытаясь успокоить. Но мятежники выломали дверь, схватили канцлера и выбросили его из окна на пики и алебарды, после чего начали избивание и остальных «великих господ», так что резню якобы смогли пережить «не более четырёх знатных родов». В итоге у власти оказались оба царя одновременно, причём каждый располагал собственными сторонниками. «Здесь рассматривают эту ситуацию как крайне выгодную для Польши: если бы мы только были в состоянии использовать эту смуту для того, чтобы вернуть все земли, занятые москвитами», — резюмировал де Витри. В следующем донесении от 14(24) июля французский посол отметил, что польский король уже десять дней с нетерпением ждёт новых новостей из Московии. 21(31) июля де Витри с недоверием пересказал слух о смерти младшего брата-царя, но уже в следующем письме от 28 июля (7 августа) доложил о новом разговоре с королём, сообщившим, что оба царя в Москве живы и сумели договориться о совместном правлении³⁰.

В рассказе польского короля, как он приведён в донесении де Витри, нетрудно заметить многие элементы нарратива о майских событиях, распространённого в России сразу после восстания и получившего отражение в современных событиям летописных повестях и заметках, а также в июньской жалованной грамоте стрельцам³¹. Сюда относятся слухи об отравлении Фёдора Алексеевича, интригах Нарышкиных и обращении царевича Ивана к стрельцам за помощью. Интересно, что де Витри не сообщает о роли царевны Софьи, хотя именно её полагала зачинщицей смуты инструкция Бентковскому. Примечательно, что особенное внимание к Софье и её участию в интригах, приведших к стрелецкому восстанию, характерно и для других польских донесений — «Повествования» и «Дневника». При этом если «Дневник» написан весной 1683 г., т.е. уже после

²⁸ Ibid., fol. 235.

²⁹ Ibid., fol. 269–271.

³⁰ Ibid., fol. 278v, 285, 291v–292.

³¹ Повесть из Барсовского собрания ГИМ упоминает, что царевич Иван сказал стрельцам: «Меня хотели задавить до смерти Кирила Нарышкина дети» (*Буганов В.И.* Новый источник о московском восстании 1682 г. // Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей. М.; Л., 1964. С. 318–324). О признании убитых бояр, «будьто они прежних царей и царевичев таким зелием изводили, и многие пакости чинили», рассказывается в заметках земского дьячка Благовещенского погоста на Ваге (*Тихомиров М.Н.* Записки земского дьячка второй половины XVII в. // Исторический архив. Вып. II. М.; Л., 1939. С. 93–100). В жалованной грамоте стрельцам от 6 июня 1682 г. мотив отравления изменниками-боярами и иноземными врачами царя Фёдора используется как основной аргумент, легитимирующий стрелецкие расправы (Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов. М., 1976. С. 40–41).

возвращения миссии Бентковского и Лядинского из Москвы, то «Повествование» датировано 20 сентября 1682 г.

Существует, однако, источник, упоминаящий о вовлечённости Софьи в подготовку бунта, датированный августом 1682 г. Это несколько рукописных листов на немецком языке с новостями из польского Яворова, хранящиеся в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия в Берлине в составе дела, озаглавленного «Рукописные известия из России 1681–1683 гг.»³². Новости из Яворова помещены на четырёх листах вместе с известиями из других европейских городов и представляют собой, видимо, выписки из показавшихся интересными правительству бранденбургского курфюрста рукописных газет, циркулировавших среди почтовых агентов. Польские новости датированы 7 августа; наиболее любопытную их часть считаю целесообразным привести в моём переводе целиком: «К нам пришло правдивое известие от одного горожанина из Ярославля, который полтора года прожил в Москве и пять недель назад уехал оттуда. Он был свидетелем этого бунта и рассказывает следующее, а именно, что возмущение произошло изначально из-за стрельцов, которые пожаловались на своих полковников, и тех по приказу царя Петра нещадно били плётками или кнутами и потом публично разжаловали с постановлением, что впредь никто из их рода не может быть отмечен на царской службе. После этого царевна София, сестра Ивана, вместе с Хованским, Голицыным, Одоевским и Милославским, дедом царя, составила бунт или партию против бояр, возглавляемых Нарышкиным, который хотел править вместо царя Петра, своего двоюродного брата. Он, а также другой Нарышкин, Ларион с сыном, Ромодановский, Артемон, Языков, Аверкий, Долгоруков с сыновьями и ещё другие знатнейшие бояре и князья — все они были изрублены алебардами или бердышами. Невинно был убит и Салтыков, а Шереметьев умер собственной смертью. Все они были невинно перебиты, так как их противники опасались, что они окажутся у власти и впоследствии отомстят. Покойный царь скончался не от яда, однако стрельцам был выдан царский указ или диплом, что они справедливо расправились с изменниками, с этой же целью была возведена и колонна — для увековечивания памяти о свершившемся. Стрельцов было 27 000 человек, среди дворовых людей или слуг погибло 60, и ещё три полковника. Уже после бунта был безвинно казнён юный царь Гродишки (*Grodischka*). После тяжёлой пытки были изрублены на куски один немецкий доктор, а также еврей Даниель, тоже лейб-медик. В итоге были выбраны два царя. Об Иване говорят, что он слеп, но это не так — у него большие нависающие брови, и если он их поднимет, то может видеть. Этот Иван — весьма набожный и умный господин, расположенный к иностранцам, а Пётр не столь добродетелен»³³.

³² Geheimes Staatsarchiv preußischer Kulturbesitz (Berlin) (далее — GStA PK), HA Geheimer Rat, Rep. XI, № 6582, fol. 32–36v. Большую часть содержания этой единицы хранения (fol. 1–31v) составляют письма секретаря бранденбургского курфюрста в Кёнигсберге Германна Дитриха Гессе с новостями, полученными им из России. Новости из Яворова не принадлежат перу Гессе. Все эти документы опубликованы (*Loewenson L.* 1681–1683. *Geschriebene Zeitungen aus Rußland // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte* VI. Neue Folge, Bd. II. 1932. S. 83–93, 231–237, 402–415, 552–585). О Гессе и его переписке с корреспондентом в России см.: *Казаков Г.М.* Почтмейстер Андрей Андреевич Вinius как информант бранденбургского курфюршеского двора // *Жизнь в Российской империи. Новые источники в области археологии и истории XVIII века. Материалы международной научной конференции.* М., 2018. С. 68–71.

³³ GStA PK, HA Geheimer Rat, Rep. XI, Nr. 6582, fol. 33v–35v.

Хотя установить точное происхождение данного рассказа о стрелецком восстании невозможно, трудно представить, что новостей, попавших в Берлин из Яворова, не знал польский король. Из этого следует заключить, что если примерно в конце июня в Польше получили первые известия о событиях в Москве, упоминавшие об отравлении царя Фёдора и представлявшие дело как распрю между царевичами Иваном и Петром и их сторонниками, то не позднее чем в начале августа до Яворова дошла новая информация, указывавшая на подстрекательство царевны Софьи к бунту и расправам над боярами. Существует источник, дающий гораздо более полное представление о нарративе, связанном с ролью Софьи, чем короткое донесение из берлинского архива. Речь идёт об уже упомянутой «Реляции польского резидента в столице Московии о беспорядках среди московских жителей», на которую обратил внимание Галанов. Историк воспользовался малоизвестной польской публикацией текста и, проанализировав содержание «Реляции», пришёл к выводу, что она написана неким агентом польского короля летом или ранней осенью 1682 г. Наиболее вероятным автором текста он признал Бентковского, не приведя, однако, никаких данных о происхождении источника³⁴.

Публикация 1894 г. воспроизводила текст, сохранившийся в составе рукописного сборника XVII–XVIII вв. из Дрезденской библиотеки – «Tragaedya Moskiewska In Anno Domini 1678»³⁵. Как следует из содержания первых двух листов, текст записан в начале XVIII в., во время правления Августа II. В коротком вступлении неизвестный автор бегло рассмотрел историю правления русский царей от Ивана Грозного до Фёдора Алексеевича, однако затем на л. 11 об. повествование автора XVIII в. прерывается, и в рукописи тем же почерком оказывается записан самостоятельный текст, озаглавленный как «Relacya Residenta polskiego na ten czas w Moskiewskiej stolicy będącego, o tych tumultach moskiewskich y okrutnej a prawie niestychanej między niemi rzezi». Остановлюсь на некоторых особенностях «Реляции». По своему содержанию она наиболее близка к «Повествованию», но в ряде моментов существенно отличается от него. В «Реляции» отсутствует вступительная часть, рассказывающая историю возвышения, ссылки и возвращения Артамона Матвеева. Она открывается коротким утверждением, что причиной смерти Фёдора Алексеевича стала его любовь к польской одежде и католической вере. Эти склонности царя вызывали неприязнь бояр, задумавших его отравить. Исполнение плана поручили доктору Даниелю Жиду, преподнёсшему царю отравленное яблоко. После смерти Фёдора мать царевича Петра уговорила бояр избрать на царство её сына. Однако из-за малолетства нового царя его дядя из рода Нарышкиных стал вести себя вызывающе – облачался в царские одежды и сажался на трон. С Нарышкиным в перепалку вступил царевич Иван, а затем и старый боярин кн. Одоевский, которому Нарышкин во время ссоры вцепился в бороду³⁶. Наконец, на 20-й день после смерти Фёдора, во время поминок в рассказе появляется Софья. Желая отомстить за смерть брата, она тайно подмешала отраву в вино, которым партия Петра собиралась угостить стрельцов, при этом представляя дело так, будто именно бояре хотели их погубить. После внезапной смерти

³⁴ Галанов М.М. К вопросу... С. 40.

³⁵ Sächsische Landesbibliothek – Staats- und Universitätsbibliothek (Dresden), Varia Polonica, Mscr. Dresd.G.43, fol. 10–15v.

³⁶ Этот эпизод с участием тех же трёх действующих лиц, произносящих лишь несколько иные реплики, присутствует и в «Повествовании».

одного из сослуживцев стрельцы взбунтовались и расправились с неугодными боярами, включая кн. Г.Г. Ромодановского, И.М. Языкова, А.М. Матвеева, кн. Ю.А. Долгорукова и двух братьев царицы Натальи. Доктора Даниеля пытали, и он признался в отравлении не только Фёдора, но и его жены, сына и даже отца — царя Алексея Михайловича. Стрельцы угрожали даже самой матери-царице, но их остановила Софья возгласом «Полно!». «Реляция» заканчивается упоминанием о новом брожении среди донских казаков и о походе на Москву татарского царевича Булака во главе девяти татарских орд. Стрельцы настаивали на выплате им жалованья за десять лет и выбрали своим предводителем обещавшего удовлетворить все их требования кн. Хованского. Выжившие бояре разбежались из Москвы, а калмыцкие, казанские и астраханские татары подняли восстание.

Многие из пересказанных фрагментов «Реляции», например, эпизоды с отравленным яблоком и вином, отсутствуют и в «Повествовании», и в «Дневнике». Более того, последний источник напрямую подчёркивает, что слух об отравлении Фёдора оказался неправдой, в то время как смерть царя от яда и последовавшая затем месть его сестры Софьи составляют основную сюжетную линию «Реляции». Таким образом «Реляцию» следует признать не поздней редакцией «Повествования» или «Дневника», а самостоятельным источником.

Представляется возможным установить примерное время составления этого донесения. В номере немецкой берлинской газеты «Eingekommener Zeitungen Dienstagische Fama» от 11 августа 1682 г. обнаружен текст, представляющий собой сокращённую и несколько отредактированную версию «Реляции»³⁷. В газетной статье присутствуют все основные сюжетные ходы польского донесения: предпочтение Фёдором польского костюма, отравление царя его лекарем при помощи яблока, ссора царевича Ивана с Нарышкиным, хитрость Софьи с отравленным вином и даже упоминание похода татарского царевича Булекса. «Реляция», таким образом, составлена в первой половине или середине лета 1682 г., не позднее начала августа с ней ознакомились в Яворове, после чего её текст каким-то образом попал в руки издателя берлинской газеты. Не исключено, что содержание «Реляции» было известно при дворе Яна Собеского ещё до составления инструкции Бентковскому. Во всяком случае, нельзя не отметить ряда совпадений между её пунктами и изложенными в «Реляции» сведениями.

Новости о бегстве царского двора из Москвы в Троице-Сергиев монастырь, казни Хованских и капитуляции стрельцов осенью 1682 г. также попали в Речь Посполитую. «Повествование», написанное 20 сентября, сообщало об отъезде всего царского семейства в Коломенское, но его составителю ещё ничего не было известно о падении Хованского. Известие о казни предводителя стрельцов достигло Польши не позднее середины октября. Русский подьячий Семён Дядкин, отправленный гонцом в Польшу в августе 1682 г., сообщал в статейном списке о беседе со своим приставом Дылевским: «Дылевской сказывал ему, Семену, что на Москве бояр князя Ивана Андреевича и сына ево князя Андрея Ивановича Хованских казнили за земляным городом в Марыне Роше, а великих государей, их царского величества, в то время на Москве не было, а были в походе. И будто стрельцы с ыными всяких чинов служилыми и торговыми людьми меж себя учинили бой, и на том бою будто побито с обеих сторон больши четырех тысячь человек, и будто стрельцы, запершись в го-

³⁷ В газете текст помещён под заглавием «Из Нарвы от 17 июля».

роде Кремле, сидели в осаде с пушками и с мелким ружьем трои судки. А та де ведомость учинилась ему, Дылевскому, через почту из Дубровны октября в 19-м числе»³⁸.

Другой пристав — Окраса — добавил к сказанному, что «казнены де они, Хованские, за то, что князь Иван Андреевич пожелал того, чтоб ему быть и з детьми в Московском государстве владетелеми»³⁹. О якобы имевших место новых убийствах бояр, занятии стрельцами Китай-города и последовавшей битве между ними и «большим количеством простолюдинов» упоминал в письмах от 11(21) октября и 25 октября (4 ноября) О. Паллавичини. Лишь в письме от 29 ноября (9 декабря) папский нунций сообщил об окончании «бунта преторианцев», которых якобы перебили до 3 тыс. человек, прочих простили, но отправили в ссылку на границу с Литвой и Ливонией⁴⁰.

Можно ли установить автора описанных выше польских донесений? Как упоминалось, королевский секретарь Станислав Бентковский добрался до пограничного Кадино лишь к сентябрю 1682 г. и потому не может быть кандидатом на авторство. Упоминание де Витри, что известия об «ужасных бунтах» в Московии пришли со стороны Киева, заставляет предположить, что некоторую информацию могли пересылать отправленные польским королем летом в украинские земли лазутчики⁴¹. Вероятно, кого-то из них имел в виду в своём письме от 1 июля Паллавичини, сообщая о том, что польский король «послал в Московию своего человека». В том же письме папский нунций упоминал, что новости из Москвы от своего доверенного лица получал и «вице-канцлер Литвы». О том, что «к Москве де к стрелцам в смутное время от гетмана литовского от Сапеги подлинно была подсылка с обнадеживанием всяких волностей и свобод шляхетских», рассказывал в феврале 1683 г. в Москве и польский шляхтич Станислав Коменский, приехавший в российскую столицу в свите Бентковского⁴². Вероятно, сообщения могли приходиться от нескольких информаторов совсем не обязательно шляхетского происхождения. Новости, сохранившиеся в берлинском архиве, сообщены неким безымянным жителем польского Ярославля, оказавшимся свидетелем бунта в Москве. Ещё об одном информаторе упоминает в отписках в Посольский приказ смоленский шляхтич Назарий Краевский, выполнявший в 1680-х гг. роль агента московского правительствa на русско-польской границе⁴³. Осенью 1682 г. Краевский несколько раз встречался с Бентковским⁴⁴ и ещё одним шляхтичем, доверенным лицом воеводы литовского Троцка Августином Константиновичем. Поскольку в разговорах неоднократно затрагивалась тема недавнего московского восстания, Краевский, поинтересовавшись, откуда его собеседники получают новости о событиях в России, получил ответ, что «есть на Москве мещанин ис Копыси, а поехал он к Москве с товарами и с лошадми продажными. Тот Копышенин

³⁸ РГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 206, л. 12–13.

³⁹ Там же, л. 19–19 об.

⁴⁰ *Monuments historiques...* Р. 238.

⁴¹ *Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия...* С. 105–123.

⁴² Там же. С. 132–133.

⁴³ Биографию Краевского см.: Там же. С. 50–54, 128–131.

⁴⁴ В инструкции Бентковского Краевский назван самым верным по отношению к польской короне шляхтичем в Смоленске, из-за чего королевский секретарь настойчиво искал с ним контакта.

пишет к нам вести, и мы де лутче вас все ведаем»⁴⁵. Любопытно, что и сам Назарий Краевский был, по всей видимости, не столь предан русскому правительству, как представлял в отписках, и, вероятно, поставлял новости обеим сторонам. В статейном списке уже упомянутого подьячего Семёна Дядкина сообщалось о беседе в Вильно со шляхтичем Микулаем Плосковицким, тайно поведавшим Семёну, что «про московские всякие ведомости чинитца ведомо королевскому величеству и всем сенатором чрез письма от Назарья Краевского да от Фадея Крыжевского, а пишут они в Кадино х Костянтиновичу и в иные порубежные города»⁴⁶.

Перечисляя возможных информаторов польского короля в России, нельзя обойти вниманием фигуру Павла Негребецкого. О роли, сыгранной им в русско-польских отношениях и политических интригах, вышло несколько статей⁴⁷. Православный шляхтич из Перемышльского повета, он служил в конце 1660-х – начале 1670-х гг. в Варшаве в Надворной Коронной канцелярии писарем. В 1674 г. Негребецкий сблизился с Василием Михайловичем Тяпкиным, русским резидентом в Варшаве, и стал снабжать того важной информацией. Когда же Тяпкину пришлось покинуть Варшаву и вернуться в Россию, Негребецкий уехал с ним. В 1677 г. его приняли на царскую службу. К началу 1680-х гг. Негребецкому через посредничество Сильвестра Медведева удалось войти в доверие к Фёдору Алексеевичу и оказаться среди его новых молодых советников⁴⁸. Однако после смерти Фёдора Алексеевича в биографии шляхтича появляется много пробелов. В 1682/83 г. имя Негребецкого пропало из «Списка кормовщиков московского чину», появившись в нём снова год спустя⁴⁹. Хорошо известно лишь о кончине шляхтича в июле 1684 г. Сведения о ней сохранились в описаниях сразу трёх оказавшихся в Москве иностранцев: шведского учёного и путешественника Юхана Габриеля Спарвенфельда, саксонского врача и авантюриста Лаврентия Рингубера и датского посла Хильдебрандта фон Горна. Все три источника сходятся: Негребецкого схватили и казнили за намерение переслать в Польшу некое письмо с описанием состояния дел в Российском государстве.

Шведская исследовательница Улла Биргегорд обратила внимание на ещё одно место в дневнике Спарвенфельда, где швед пересказывает содержание беседы со своим приятелем фон Горном. Тот рассказал, что якобы во время пребывания царского двора в Троице-Сергиевом монастыре осенью 1682 г. Негребецкий вместе с ним и другими сторонниками Петра принимал участие в обсуждении заговора, согласно которому планировалось устранить царя Ивана и клан Милославских от управления, передав всю полноту власти Петру и его матери Наталье Нарышкиной. Заговор не привели в исполнение из-за нерешительности последней⁵⁰. Нельзя не упомянуть ещё один любопытный

⁴⁵ РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1682, д. 2, л. 66–67.

⁴⁶ Там же, д. 206, л. 46–46 об.

⁴⁷ *Биргегорд У.* Почему казнили Павла Негребецкого? // *Slověne*. 2020. Vol. 9. № 1. С. 232–260; *Кочегаров К.А.* Борьба боярских группировок вокруг планов женитьбы царя Петра и русско-польские отношения в 1684–1689 гг. // *Россия, Польша, Германия в европейской политике: исторический опыт взаимодействия и императивы сотрудничества*. М., 2012. С. 45–88.

⁴⁸ *Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 399–403.

⁴⁹ *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия... С. 136–137.

⁵⁰ *Биргегорд У.* Почему казнили Павла Негребецкого? С. 243–244.

источник, обнаруженный польским историком З. Вуйчиком в Архиве древних актов в Варшаве. Документ имеет заглавие «Relatia Nehrebeckiego ze stolicy» и датирован 5 сентября (без указания года)⁵¹. В нём польскому королю передана просьба о помощи от царицы, жаловавшейся на двоевластие, которое установилось в результате стрелецкого бунта, и сообщавшей о притеснениях со стороны Софьи⁵². Опираясь на данные источников, Биргегорд предположила, что в 1682 г. Негребецкий мог на короткое время оказаться в Польше в качестве доверенного лица и посольного Н.К. Нарышкиной. В таком случае можно продолжить цепочку предположений и гипотетически допустить, что Негребецкий мог быть автором одного из польских донесений лета–осени: «Реляции» или «Повествования». За неимением веских доказательств, такое предположение остаётся лишь гипотезой.

Таким образом, первые сведения о смерти царя Фёдора Алексеевича и сложной ситуации с престолонаследованием в России дошли до польского короля к середине июня. К началу июля в Яворове, по всей видимости, получили первое донесение, описывающее события стрелецкого бунта. Оно во многом повторяло нарратив о восстании, распространявшийся в мае–июне самими восставшими стрельцами, включая такие его элементы, как рассказ о смерти Фёдора Алексеевича от яда, интригах Нарышкиных и обращении царевича Ивана к стрельцам за помощью. Полученная информация сформировала при королевском дворе представление, что в России знать раскололась на две партии, поддерживающие каждая своего кандидата в цари – Ивана и Петра. Не исключалась даже гибель одного из царевичей в результате распри. Однако в течение июля было получено новое донесение (или донесения), в больших подробностях описывающее события, жертв бунта и требования стрельцов. Вместе с тем особое внимание в нём уделялось роли царевны Софьи, представленной главной зачинщицей расправы над Нарышкиными и их союзниками. В июле же на русско-польскую границу под Смоленск для проверки и уточнения полученных новостей отправился королевский секретарь Станислав Бентковский. В новом сентябрьском донесении («Повествовании») главным противником Софьи в борьбе за власть назван Артамон Матвеев, якобы стоявший за всеми попытками посадить на престол Петра. В «Повествовании» вслед за предыдущими реляциями подчёркивалась особая расположенность Фёдора Алексеевича к польской культуре, вызвавшая неприязнь бояр, но опровергался слух об отравлении царя. О казни Хованских в Польше узнали к 20-м числам октября, а об усмирении стрельцов – не позднее конца ноября.

Примечательно, что польские донесения лета 1682 г. фиксируют наиболее раннее упоминание нарратива об участии Софьи в заговоре против Нарышкиных и Петра. Видимо, слух об интригах Софьи появился сразу после майских событий. Безусловно, в польских донесениях присутствует немало фантасти-

⁵¹ Негребецкого казнили летом 1684 г., и данная реляция могла быть составлена в 1682 или 1683 г.; наиболее вероятной кажется первая дата.

⁵² «Я, царица Наталья Кирилловна, мой сын – царь Пётр, сперва бояре его посадили на царство. Второй царь – Иван, чернь из злости посадила его на царство. Этот Иван глупый, слепой, страдает параличом, править не может. Его сестра Софья всем сама заправляет. Я сирота, никто меня с моим сыном не почитает из-за того, что я польского роду, не на кого мне надеяться, только на тебя, король польский... чтобы ты, король, имел для меня и для этого дитя милосердие, чтобы мой сын мог стать царём с твоей королевской помощью» (цит. по переводу К.А. Кочегарова с польского: *Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 135*).

ческих эпизодов, отражавших атмосферу ядомании, царившую в охваченной восстанием Москве. К таковым следует отнести рассказ про хитрость с отравленным вином, приведённый в «Реляции»⁵³. Вместе с тем некоторые детали, упомянутые в донесениях, находят подтверждение в других источниках: эпизод из «Реляции» с Иваном Нарышкиным, вцепившимся в бороду боярину Одоевскому, перекликается с рассказом Генриха Бутенанта о том, как «Иван Нарышкин (который всё время озорничал по-юношески) мало уважал старых господ и некоторых дергал за бороду (что считается в этой стране величайшим позором), о чём стрельцы узнали от пришедших к ним с жалобой пострадавших господ»⁵⁴. В целом в польских донесениях о заговоре царевны Софьи не стоит видеть одни лишь домыслы.

Что касается автора или, скорее, авторов донесений, то новости поступали в Польшу, вероятно, от нескольких информаторов. Среди них могли быть представители купечества, мещанства и служилых людей. Совсем не обязательно в авторе каждого донесения видеть непременно дипломатического резидента. Не исключено, что дальнейший поиск в польских архивах позволит дополнить данные о рецепции новостей о Хованщине в Речи Посполитой, включая имена конкретных информаторов.

⁵³ Несмотря на явно легендарный характер этого рассказа, слух о том, что «бояре-изменники» собирались травить стрельцов, вероятно, действительно курсировал во время восстания. О нём упоминается в заметках дьячка Благовещенского погоста на Ваге Аверкия, записанных по горячим следам майских расправ: «И удумали они, изменники, вражьиим научением, чтоб царьский род извести, а стрельцов и солдатов опоить лютым зельем и змеями» (*Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 99).

⁵⁴ «Склонны к страшному неистовству...»... С. 44.